

Глава первая

Утро Толика

В каждой деревне есть традиции. Где-то по утрам у колодца ледяной водой обливаются. Где-то по ночам в бане страшные истории рассказывают.

Была своя традиция и в заонежском селе Великая Губа. Звали её Толик. Ещё только первые петухи отпели, ещё только солнце коснулось пыльного листа герани на подоконнике, а его лохматая голова уже мелькала в окнах домов местных жителей. А как мелькнула она, так и хозяин головы вместе с ней появлялся на пороге комнаты. Оглядывал деловым взглядом пространство, хитро прищуривался и начинал:

— А у Катьки уже завтракают.

— Иди отсюда, — бурчали из-под подушки. Или из-под одеяла. А иногда и из щели между кроватью и стеной. Всё зависело от того, куда обитатель комнаты успевал спрятаться. Но от Толика так просто не утечешь.

— Прикинь, тетя Валя сырников нажарила. Вкуснотища! — говорил Толик и хлопал себя по впалому животу. Много сырников туда явно не попало. Если вообще хоть один достался.

— Ну и что? — ещё сопротивлялся как будто бы спящий, но на самом деле проснувшийся Игорёк Григорьев, — а в это утро Толик забежал сначала именно к нему.

— Катька и так толстая, — протянул Толик и широко улыбнулся. — Куда ей?

Игорёк обречённо сел в кровати.

— Отвали, а?

— А ещё, — Толик облокотился о косяк двери, — корова у баб Ариши охромела.

— И чего? — зевал и чесался проснувшийся.

— Отстанет от стада. Искать её потом. А кого пошлют? — развёл руками Толик. — А кого надо, того и пошлют.

Мёртвая свадьба

Игорёк покосился недовольно. У баб Ариши самое вкусное молоко, брали по очереди, и как раз сегодня его очередь подходила. Ещё нескладное со сна тело залезло под кровать в поисках шлёпанцев.

— А водички у тебя нету? — снова почесал свой тощий живот Толик. — Пить хочется, удержу нет.

— В чайнике, — отозвался из-под кровати Игорёк.

Было слышно, как булькнула вода, как звякнула кружка. А потом соломенная голова Толика мелькнула вдоль парадных окон дома и исчезла.

Через какое-то время — с часами никто не стоял и за Толиком преданно не бегал, но село Великая Губа большое, поэтому от одного нужного дома до другого за пять минут точно не дойдёшь, да и за десять можно не добраться, а если талант проявить, так и все полчаса станешь круги нарезать, — так вот через какое-то время Толик оказался около следующего дома. И всё по традиции: сначала голова в окне, потом персона на пороге.

— Вы ещё спите? — протянул он, и сквозь его лохматые волосы пробилось раннее солн-

це, заглянувшее в дверной проём поверх соломенной макушки. — А у Григорьевых уже встали. Мать бутерброды строгает.

— Зачем? — донёсся из-под одеяла вопрос.

— Так он идёт сегодня баб Аришину корову ловить.

— Зачем? — не утруждала себя разнообразием вопросов спящая, а на самом деле уже никакая не спящая Сонька.

— Так она охромела, может отстать.

— Было бы где отставать, — фыркнула Сонька и бодро перевернулась на другой бок, заставив пружины скрипеть, а тело подпрыгивать. — Коровы дальше берега не ходят.

— Ну, — поддакнул Толик и, сменив опорную ногу с левой на правую, привалился к косяку. — А новеньких видела?

— Кто там ещё? — зевнула Сонька, сквозь слипающиеся ресницы глядя на пыльное окно, в которое уже билась трудолюбивая муха.

— Так к бабе Свете приехали. Они вчера у магазина стояли.

— Парни?

— Кажись, сёстры. Одна высокая, другая младшая.

Мёртвая свадьба

Сонька фыркнула и потянула одеяло на голову.

— Видела. Они уже два дня тут. С чего ты взял, что это сёстры?

— Так похожи.

— Что? — разлепила глаза Сонька. — Где ж похожи, если одна дылда, а другая коротышка. На одну без слёз не взглянешь, а вторая ничего.

Толик хмыкнул, подумал о чём-то своём и скользнул вон из избы.

— А зовут-то их как? — приподнялась в кровати Сонька.

— Ирка и Маринка, — крикнул Толик из сеней, а потом голова его традиционно мелькнула в окне: — Их бабка так кликала вчера вечером. А молока дашь?

— Да иди ты! — отмахнулась Сонька и полезла под кровать за шлёпками.

Толик шагал дальше, прикидывая маршрут. Можно было сразу домой, но тогда он успевал заглянуть только к Кольке. Если сделать крюк по Зелёной улице, то можно было заскочить к Ритке, а заодно глянуть на новеньких. Они ещё не очень обжились и дальше магазина не ходили. Городские — это всё,

что о них знали. Ещё имена. Но это было не самое интересное.

Толик пробежал мимо своего поворота и рванул по улице прямо. Навстречу шла задумчивая корова. Остановилась, потёрлась боком о фонарный столб. Похожа на баб-Аришину, но не хромая.

Около забора бабы Светы стояла Ритка и чесала обожжённую крапивой голую ногу другой голой ногой. Эта другая нога была изрядно покусана, на икре звёздной россыпью красовались комариные отметины. Толик прокрался за спиной соседки и присел на корточки около забора, его глаза оказались как раз над нижней перекладиной.

— Что тут? — прошептал он.

Ритка взвизгнула, отпрыгнула от забора, чуть не отломав от него рыхлую штакетину.

— Вот, чёрт, напугал, — она бросила в него щепку и сменила ногу чесания. — Подкрался, как...

— Не бойсь, — ухмыльнулся Толик — он любил, когда кто-то чего-то от него не ожидал. — Пойдём сегодня на рыбалку?

— Делать мне больше нечего, — повела плечом Ритка, сбрасывая с этого плеча лохматую рыжую косу.

Мёртвая свадьба

Отказ вызвал в Толике повышенную радость, он разулыбался от уха до уха.

— Говорят, ряпушка пошла, — доверительно сообщил он. — Или плотвы натаскаем.

— Да иди ты, — отвернулась Ритка. — Летняя ряпушка рыхлая, а у меня дела.

— Дела у неё, — беззлобно протянул Толик, — с сестрой в коляске ходить.

— Ах ты! — Небольшая крепкая ладонь впечаталась в тощее Толиково плечо. Толик покачнулся. Вместе с ним покачнулся забор. В деревянной конструкции что-то треснуло.

Толик отбежал в одну сторону. Ритка в другую. Угодила в крапиву, зашипела, заперевирала ногами, ища некусачее место.

— Кто там? — крикнули из дома.

На ступеньки вышла высокая худая девочка. Она уцепилась за столбик крыльца, свесилась вперёд. Светлые волосы были собраны в хвост. Короткий сарафан не прикрывал острых коленей. Первый загар тронул её щёки, рассыпал веснушки по носу, делая лицо очень красивым.

— Корова, — протянула она, вглядываясь в густую зелень зазаборья. — Тут у них сплошные коровы. Впервые вижу, чтобы коровы ходили одни по улицам.

— Но они же вместе.

Из темноты сеней выглянула ещё одна девчонка, невысокая и бледная. Черты её лица казались как будто стёрты: светлые ресницы делали глаза невыразительными, тонкие губы были почти незаметны, а острый нос с глубокими складками рождал сходство с грустной совой. По виду нельзя было сказать, кто из них старше. Сонька была права: одна выше и ничего себе, другая ниже и полная печаль.

— Ага, вместе. — Девушка у столба вдруг рухнула своим тощим телом на ступеньку, уселась, натягивая сарафан на коленки. — По улице не пройдёшь, сплошные какашки.

Её невысокая сестра перекатила в пальцах маленькое красное яблоко и задумчиво улыбнулась. Высокая вывернула шею, чтобы посмотреть на неё.

— Что молчишь?

— Мне кажется, на нас смотрят, — ответила невысокая, всё так же неприятно улыбаясь.

— Коровы! — Высокая выхватила из рук сестры яблоко и запустила в забор.

Толик рванул через лопухи к дороге. Ритка скакала за ним, ухитряясь наступать в каждую крапиву.

Мёртвая свадьба

— Во ведьмы, прям почували, — довольно потёр руки Толик.

— Сами они коровы, — недовольно буркнула Ритка, расчёсывая новые укусы крапивы.

— Их зовут Ирка и Маринка, — сообщил Толик. — Так баба Света вчера кликала. Та, что выше, Ирка. Она сумку тащила из магазина.

— Да ну их, — Ритка побежала к своему дому. — Сразу видно, дикие. Будут на участке сидеть и не высунутся. Только до магазина и обратно.

Толик побежал за ней. До поворота им было по пути.

— Яблоки жрут с утра. Надо же! — крикнул он, на ходу потирая впалый живот. — Ты куда?

— Мать велела с сеструхой посидеть, пока она на огороде будет.

— Я тоже домой, — Толик свернул на свою улицу. — После обеда приходи купаться.

— Если время будет. Мать про сено что-то говорила.

Толик махнул на прощание рукой и пустил по улице.

Родной дом он мог найти с закрытыми глазами по звуку: с раннего утра из запах-

нутаго окна слышался стрёкот швейной машинки. Склонённая мамина голова. Лицо светлое, чистое, а взгляд настороженный. Она почему-то всегда так смотрит. Словно опасается чего.

— Толь, почему не позавтракал? — крикнула мать, не отрываясь от шитья.

— Я у Катьки сырников поел, — Толик устроил локти на подоконнике. Солнце приятно грело затылок и спину.

— Про огород помнишь?

Стол был завален разноцветным материалом. Гора хлопка и сатина двигалась, шевелилась, дышала.

— Я вечером на рыбалку. — Толик с улыбкой смотрел на мать, на то, как быстро бежит ткань под её руками. В какой раз удивлялся её тонким красивым пальцам.

— Вот переломаю я твои удочки, будешь знать, — отозвалась мать, недовольно качая головой.

Машинка продолжала строчить, ткань по столу ползла, и казалось, что это сам стол двигается. Не переставая давить на педаль привода, мать вдруг сунула руку в ворох тканей и что-то выбросила в сторону окна.

Мёртвая свадьба

— Светлане Егоровне отнеси. Она просила передник прострочить.

Толик перехватил тряпку, крутанул в кулаке, рассматривая. Фартук был сделан из светлой ткани, но не новой, а пожившей. Была в ней какая-то историчность. И тесёмки затёртые. Зачем такое прошивать?

Мать кивнула, угадав мысли сына.

— К ней внучки приехали. Она старый передник под них перешивает. Хочет их хозяйству учить.

Мать подняла прижимную лапку, оборвала нитки о резец, посмотрела на получившийся шов. Быстро сплюнула через левое плечо, прошептала приговор. Толик ухмыльнулся. Мать была полна присказок, поговорок, примёт; если ей что-то казалось, она непременно плевала через плечо и стучала по дереву. Ну и заговор бормотала.

— А внучки не родные, — неожиданно сказала мать. — У неё-то самой детей нет.

— Почему? — Толик не понял, зачем ему это сказали.

Мать подняла на него глаза:

— Убежишь, опять ничего не сделав, ой, перелломаю я твои удочки.

— Удочки не тронь. Батины, — буркнул Толик и сполз с приступка.

Идти обратно тем же путём, по которому он только что пришёл, было скучно. Он добрался до школы, обогнул её вдоль забора, посмотрел на пустую спортивную площадку. Сбоку от неё торчал столб с баскетбольным щитом. Мяч есть в библиотеке, есть в ДК. И там, и там пока закрыто. Сдутый мяч мог найтись и где-то в кустах. Кажется, в прошлый раз они с Игорьком его тут бросали.

Освобождая руки, Толик повязал фартук на талии, сдвинув на бок, чтобы не мешал, и полез через забор. Сетка застонала под его весом.

Мяч нашёлся под деревьями. С перепачканным зелёным боком и глубокой вдавленностью. Она рождала непредсказуемость броска. Из-за сдутости мяч и так почти не прыгал, а вдавленность ещё и траекторию сбивала.

Щит дрогнул от первых ударов, грохот разогнал птиц с деревьев. На пятый удар из школы выглянул сторож.

— Так, а ну пошёл отсюда! — крикнул он, грозя кулаком и явно собираясь дойти до сарая, чтобы вернуться оттуда с лопатой или метлой. Мог и косу прихватить.

Мёртвая свадьба

— И что же ты, паразит, делаешь? — сторож сошёл с крыльца. — Что на себя напялил?

Толик оглядел себя, соображая, что с его одеждой могло быть не так, увидел передник и помчался к забору. Пока лез, помнил, что надо забежать к бабе Свете и поскорее избавиться от фартука, но как только пятки его коснулись земли, забыл об этом. Вместо того чтобы повернуть направо, он перебежал дорогу и повис на ближайшем заборе.

Большой двухэтажный карельский дом с высоким мезонином заметно покосился, но ещё держался бодро. Перед ним был разбит огромный огород с идеально ровными грядками. У дальних сараев грядки охранялись чучелом, наряженным в зелёный резиновый плащ химзащиты, на башке у пугала был противогаз, гофрированный шланг заправлен в карман. Из-под плаща снизу торчали длинные болотные сапоги. На груди висела табличка «Враг не пройдёт» с перечёркнутой вороной.

Толик поднял камешек, бросил, метясь в пугало. Попал по лопухам. Лопухи в ответ шевельнулись, выдавая чьё-то присутствие. Толик пригляделся, разулыбался, спросил:

— Праздник-то в выхи будет?

Лопухи расступились, и из-под них показалась синяя кепка, нахлобученная на светлую голову. Лицо было щедро усыпано веснушками. Это был второй дружбан Толика, Колян Снегирёв.

— Мать репетировать в ДК ушла, значит, будет, — ответил обладатель кепки.

— А говорили — дождь.

Колян задрал голову к абсолютно чистому небу. Небо это разрезали мечущиеся в вышине чёрные стрижи.

— Не, ушла. — Колян вытянул травинку из зарослей между грядок и сунул в зубы.

— Поблешь? — Толик кивнул на грядки.

Колян глянул по сторонам.

— Морковку надо, клубнику оборвать, чего-то ещё. До обеда управлюсь. А потом купаться.

— Купаться, — согласился Толик, сползая с забора.

Лопухи скрыли хозяина кепки.

Раз мать Коляна ушла репетировать заонежскую кадрили в ДК, то клуб открыт и там можно раздобыть мяч. Но к мячу надо раздобыть ещё пару игроков, а они до обеда точно будут заняты. Только если к вечеру

Мёртвая свадьба

освободятся. Но вечером в клуб обычно приходит Наташа, а она мяч не даёт. Сразу придумывает задания. Свободен? Беги выполни просьбу.

Толик побрёл к торговому центру и только сейчас заметил, что всё ещё обёрнут в передник. Он стал его снимать, но тесёмка, завязанная на бантик, растрепалась и затянулась. В борьбе с непокорным узлом ему помогла Сонька. Она бежала от углового магазина, куда уже привезли местный чёрный хлеб. Пока она развязывала, сунув буханку под мышку, Толик унюхал запах самого вкусного хлеба во всём Заонежье, отщипнул кусочек. Горбушка хрустела на зубах. Сонька позволила Толику отломить ещё разик, и он немного прошёл вместе с ней, вгрызаясь в поджаренную корочку, и остановился только около площади. За дорожным бордюром начинался небольшой склон, ведущий к Великогубскому заливу могучего озера Онего.

— Про новеньких чего узнал? — спросила Сонька, сворачивая по дороге налево. Толик дальше не пошёл.

— Яблоки по утрам жрут, — ответил Толик и почесал пузо. — Из города, что ли, привезли?

— В магазине купили, — фыркнула Сонька, уходя вверх по проулку.

— Купаться пойдёшь? — крикнул Толик.

— Если мать отпустит, — крикнула в ответ Сонька, не оборачиваясь. — Она с утра тесто на пироги поставила.

— Пироги, — протянул Толик, задумчиво глядя на огрызок хлеба в руке. Сунув горбушку в рот, он полез через бордюры, спустился к берегу и уселся на удачно пристроенное тут бревно, подложив под себя для мягкости фартук.

В затоне стояли коровы. Они мотали головами, отгоняя комаров, и тяжело вздыхали. От воды на Толика единым фронтом шли утки. Трое мелких, ещё пушистых, и одна крупная. Утки недобро смотрели на Толика. Он быстро прожевал остаток горбушки и показал пустые руки. Утки возмущённо закричали, самая мелкая двинулась на штурм его ноги. Пришлось шевельнуться, показывая разницу размеров. Большая утка зашипела, издала пронзительный крик, и вся гвардия отступила. Коровы в воде грустно трясли головами и шевелили ушами.

На солнце Толика разморило, он уже подумывал поспать, но тут по дороге к почте